

Зеркало... Зеркало, о котором он забыл и которое теперь ему никогда не понадобится, не говоря уже о том, чтобы взглянуть на свое отражение... теперь оно отталкивало его.

Костер, который он развел в сундуке, по крайней мере, оказался достаточным для борьбы с холодом, чтобы он смог погрузиться в тревожный сон.

Он проснулся ближе к полудню, укрывшись от первых лучей рассвета под защитой крепостной стены.

Суставы затекли от прохладной мостовой, на которой он спал, но ему было все равно.

Желудок зловеще урчал: он не принимал пищу дольше, чем хотелось бы - он не замечал.

Пепел от всего, что когда-то принадлежало ему в этом мире, развеялся по ветру, и он почувствовал себя странно свободным.

Свободным и необремененным, каким он не чувствовал себя с тех пор, как... ну, с тех пор, как никогда.

Он сидел, размышляя об этом, не обращая внимания на звуки и виды замка и окрестностей под его башней.

День прошел, и солнце уже начало садиться, когда его затянувшийся покой нарушило тихое горловое дыхание. В обычной ситуации он был бы рад компании, любой компании. Но сейчас прерывание беседы показалось ему нежелательным.

Все же это было лучше, чем заикливаться на мыслях о том, чего никогда не будет.

Оглянувшись через плечо, он увидел Сьюзен Боунс, осторожно приближающуюся к нему с экземпляром "Пророка", который она трепетно сжимала в руках. Сегодняшний запоздалый выпуск в кои-то веки точно отражал события в министерстве. Он не мог этого знать, но весь его бывший дом сейчас читал эти события и не слишком гордился собой за то, что они бездумно поступили с самым настоящим гриффиндорцем.

Сьюзен всегда была добра к нему. Она была красивой, но при этом неброской. У Сьюзен были пышные светло-клубничные волосы, обрамлявшие нежные щеки и еще более нежные голубые глаза. У нее была прекрасная фигура и голос, который был музыкой.

Он уже давно тайно любовался ею, но не думал, что она или кто-то другой когда-нибудь заинтересуется им.

"Почему?" с тревогой спросила Сьюзен. "Почему он должен был умереть?"

Он не стал спрашивать, к кому она обращается, - он и так знал. Сьюзен спрашивала о Седрике, как делала это уже много раз. Что бы он ни отвечал, как бы ни успокаивал ее, она никогда не казалась успокоенной и в конце концов возвращалась, чтобы спросить то же самое снова.

Он перебирал в уме очередные банальности, которые могли бы хоть как-то утешить ее, но в конце концов решил - зачем беспокоиться.

Может, ей нужно услышать правду? Хотя... что хорошего в том, чтобы говорить правду?

У него были шрамы, чтобы доказать это, неизгладимо выгравированные на тыльной стороне руки для потомков.

О... какого черта...

"Он умер не по какой-либо другой причине, кроме как из-за того, что оказался на пути". холодно ответил Гарри.

"Но разве он не мог увернуться или ты не мог вмешаться... что-нибудь?" - почти взмолилась она, не понимая абсолютной бессмысленности смерти своего друга.

"Все произошло слишком быстро. Мы даже не успели опомниться, как кто-то так бесцеремонно наложил на нас "убивающее проклятие", но было уже слишком поздно. Я представляю, что испытывает муха, сидящая на стене: в одну минуту ты занимаешься своими делами, а в следующую - шлеп!"

Его аналогия, хотя и точная, была суровым напоминанием о деликатности жизни.

Он ожидал, что она разрыдается, может быть, даже убежит из дома, причитая от отчаяния и беспомощности.

Вместо этого он получил гнев.

"Почему? Почему вы не убили его, когда у вас была возможность?" почти кричала Сьюзен, размахивая газетой, на которой едва можно было разобрать фотографию себя, пытающегося сразиться с Волдемортом на дуэли в атриуме Министерства.

"Я не мог..." - мрачно ответил он, уныло отводя глаза. У него не было ни сил, ни опыта, чтобы хоть что-то сделать, не говоря уже о том, чтобы довести дело до конца.

Сьюзен язвительно фыркнула. "Тогда какой от тебя толк?"

Осколок.

Прошли месяцы и годы, пока он размышлял, что же было более сокрушительным? Слова, сказанные в пылу праведного гнева и разочарования, или земля, на которую он бросился.

В тот момент он понял, что был мухой. Он был не более чем мухой, да еще и запасной.

У него не было ни имущества, ни дома, ни друзей, ничего... кроме психа, который хотел убить его, чтобы показать всему миру, что он может.

Оставалось только ждать, когда произойдет неизбежное, и - шлеп!

Неизвестно было только, сколько еще ему придется страдать, прежде чем... Сплэт!

Именно тогда, в самый мрачный момент, он решил, что лишит Волдеморта его будущей победы и тем самым избавит себя от еще большего количества страданий и одиночества.

Тогда что же в тебе хорошего? спросила Сьюзен.

Он ответил единственным известным ему способом в тот мрачный момент... он прыгнул.

"НЕТ... БОГ НА НЕБЕСЕ - НЕТ!"

Сьюзен не помнила, сколько времени она простояла, уставившись на то место на крепостной стене, с которого бросился Гарри. Лишь крики, доносившиеся снизу, вывели ее из состояния полного шока.

Она с трудом осмелилась заглянуть за край вала астрономической башни и с ужасом поняла, что найдет там разбитого Гарри, лежащего на лужайке.

В последних лучах сгущающихся сумерек она увидела профессора Макгонагал, отчаянно цепляющуюся за сломанную фигуру, а под ними расстилось темное пятно.

"Нет, дорогое дитя света... нет? Лили-цветок... Джеймс, Сириус... помогите мне... пожалуйста, не забирайте его у нас!" Макгонагал рыдала и умоляла, накладывая все чары, какие только могла придумать, чтобы попытаться сохранить жизнь в его разбитой оболочке.

Минерва Макгонагал восстанавливалась после многочисленных ранений (полученных от рук авроров, которых Амбридж вела в заблуждение), когда пришло известие о сражении в Министерстве, а вслед за ним прибыли представители Ордена, чтобы сообщить, что еще один из их рядов пал.

<http://tl.rulate.ru/book/104997/3690082>